

— Сань-нян, во сколько завтра откроешь лавку? — наевшийся грузчик вытер рот, достал из кармана несколько медных монет, ещё раз тщательно пересчитал и положил перед Цянь Сань-нян.

— Приду с рассветом. Ну как тебе сегодня?

Цянь Сань-нян улыбалась так светло, что всё лицо словно сияло, и внимательно спрашивала мнение гостя. Вчера, во время обучения, Нин Гуйчжу между делом посоветовал ей чаще интересоваться отзывами покупателей, поэтому сегодня, едва выдавалась свободная минута, она обязательно спрашивала поевших людей, понравилось ли им.

Грузчик сразу похвалил:

— И наедаешься досыта, и вкусно. Столько лет тяжёлой работой занимаюсь, а такое встретил только у тебя.

Подошли и другие работники. Услышав его слова, один из них сказал:

— Сань-нян, чего же ты раньше не говорила, что так готовишь? Начни ты торговать пораньше, не пришлось бы тогда столько мучиться из-за денег.

Вытирая руки, Цянь Сань-нян ответила:

— Где уж мне самой такое уметь? Это господин Нин научил. И всё благодаря доброте господина уездного судьи - только поэтому мне так повезло попасть к нему в ученицы.

На самом деле официальных отношений учителя и ученицы между ней и Нин Гуйчжу не было. Но оказанная им помощь была ничуть не меньше, поэтому перед посторонними Цянь Сань-нян говорила именно так. Заодно это не позволяло другим из-за неё доставлять господину Нину ненужные неприятности.

— Господин Нин? — переспросил один из покупателей блюд из тофу. — Супруг Сюн-батоу?

Цянь Сань-нян с улыбкой кивнула:

— Да, он.

— Этот господин Нин и правда удивительный человек. Раньше слышал, что он ещё работал в ткацкой мастерской. Нынешних наставниц там всех он обучил.

Вокруг поднялись оживлённые разговоры. Слушая их, Цянь Сань-нян невольно просияла.

Хвалили Нин Гуйчжу, а радовалась она даже сильнее, чем если бы хвалили её саму.

Все присутствующие были людьми, зарабатывавшими физическим трудом, поэтому вскоре разошлись. Некоторые молодые и крепкие ещё хотели до заката поискать работу по переноске или перевозке грузов.

Жители окрестных домов приходили со своими мисками покупать блюда. Цянь Сань-нян каждый раз накладывала им чуть больше, совсем немного, всего на один-два кусочка, но этого было достаточно, чтобы покупатели уходили довольными.

Когда все приготовленные продукты были распроданы, Цянь Сань-нян принялась собирать лавку. Место для торговли ей выделила уездная управа. Здесь уже стояли готовые столы и скамьи, а во время обходов стражники уделяли этому месту особое внимание. Не то что местные хулиганы, даже владельцы ресторанов не смели здесь устраивать неприятности. Для бедных торговцев это было редкое место, где можно было спокойно вести своё дело.

Стол и скамьи убирать не требовалось, зато всю посуду нужно было забрать домой. Цянь Сань-нян сложила всё на ручную тележку, затем ещё раз тщательно привела в порядок прилавков.

Сам прилавков она выкупила у семьи, которая прежде торговала едой. Хотя ему было уже много лет, прежние хозяева хорошо за ним ухаживали, да и стоил он гораздо дешевле нового. Глядя на чисто прибранное место, Цянь Саньнян чувствовала такую лёгкость, что, казалось, вот-вот взлетит.

Она заработала. Она действительно смогла заработать!

— Сань-нян!

Издалека донёсся голос отца. Цянь Сань-нян обернулась и увидела, как отец Цянь быстрым шагом идёт к ней. Он закатал рукав до локтя, крепкой рукой ухватился за ручку тележки, и мышцы на его предплечье сразу напряглись.

Ему ещё не исполнилось сорока. Хотя после болезни здоровье уже не было прежним, силы в нём всё ещё оставалось немало.

Увидев его, Цянь Сань-нян поспешила навстречу, подхватила два ведра и, шагая рядом, спросила:

— Отец, зачем ты пришёл?

— Только что отвёз купленный тофу домой, — ответил он. — Подумал, что ты уже должна закончить торговлю, вот и решил заглянуть.

Цянь Сань-нян тут же вспомнила ещё об одном деле.

— Ты поговорил со старшим братом из семьи Сюн насчёт тофу?

Они решили, что раз семья господина Нина занимается производством тофу, то именно у них и будут закупать продукты для своих блюд. Всё равно кому достанется эта прибыль, так пусть её получает семья родственников господина Нина.

— Поговорил, поговорил, — кивнул отец. — Даже договор подписали. Теперь они будут привозить нам продукты каждый день после полудня.

— Хорошо, — с облегчением кивнула Цянь Сань-нян.

Отец уточнил:

— Тофу, фучжу и сушёный тофу - всё верно? Именно эти три вида?

— Да, всё правильно.

— Когда научишься у господина Нина готовить лепёшки из соевой окары, будем ещё и окару заказывать у семьи Сюн. Она наверняка стоит дешевле. Тогда можно будет совсем немного поднять цену, и, думаю, продаваться такие лепёшки будут даже лучше, чем блюда из тофу.

Как ни дёшево обходился сам тофу, расходы на основную еду всё равно никто не отменял. Если человек покупал только одно блюдо, то выходило около десяти вэней. Сегодня большинство посетителей объединялись по трое-четверо, чтобы купить несколько блюд вскладчину. А вот лепёшки из окары, скорее всего, будут чаще покупать одиночные посетители.

Цянь Сань-нян кивнула и добавила:

— Завтра сделаю немного лепёшек с тофу. Должно получиться примерно так же.

— Но тофу всё-таки дороже соевой окары.

...

Отец с дочерью, беседуя по дороге, вернулись домой. Мать Цянь уже приготовила ужин. Купленный тофу лежал на кухне: его тщательно накрыли грубой тканью и убрали в шкаф, чтобы ночью не добрались мыши.

С принесёнными вещами можно было не спешить. Семья сначала поужинала, оставила чашки

и палочки в сторону, после чего Цянь Сань-нян высыпала на стол все медяки, заработанные за день.

Целая гора монет на столе привела троих взрослых в волнение. Чжуцзы, ничего не понимавший, сидел у матери на руках, держался за край стола и разглядывал высокую кучку. Почувствовав радость родных, он тоже широко улыбнулся и весело похлопал ладошкой по столу.

Цянь Сань-нян с улыбкой погладила сына по голове, глубоко вдохнула и сказала:

— Отец, мама, давайте считать деньги.

— Хорошо.

Каждый взял себе небольшую кучку. Они считали по десять монет и с каждой десятки откладывали одну в сторону - эту часть предстояло отдать господину Нину.

Когда лавка только открылась, покупателей почти не было. Но стоило объявить низкие цены, а первым любопытным поддаться на аромат и попробовать еду, как молва разнеслась мгновенно. Работавшие неподалёку грузчики стали заглядывать один за другим. Даже самые бережливые, которые приносили с собой основную еду, увидев такие цены, всё же сжимали зубы и вместе с товарищами покупали одно блюдо на всех.

В сезон, свободный от сельских работ, людей, зарабатывавших тяжёлым трудом, было много, поэтому торговля шла особенно бойко.

Вчера семья побоялась закупать слишком много тофу. В течение дня отцу Цянь пришлось несколько раз бегать в уездные лавки за добавкой, и только поэтому Цянь Сань-нян не пришлось рано закрываться и возвращаться домой.

Когда они закончили считать, все трое переглянулись и долго не могли прийти в себя. Всего за один день больше двухсот медных монет. Если торговля и дальше пойдёт так же, деньги, потраченные на тележку, прилавок и прочие принадлежности, очень скоро вернутся. Они почти уже видели перед собой эту прекрасную жизнь.

— Нет, Сань-нян, пока ещё не поздно, давай сегодня же отнесём господину Нину его долю, — отец Цянь поспешно поднялся, нашёл полотняный мешочек и ссыпал туда отдельно отложенные монеты.

Услышав это, Цянь Сань-нян сказала:

— Господин Нин велел приносить деньги раз в семь дней.

— Что сказал господин Нин - это одно. Но ты сегодня впервые заработала. Как можно не сходить, не сообщить ему радостную новость?

Мать Цянь тоже поднялась:

— Твоя старшая сестра сегодня принесла кувшинчик мёда. Отнеси его господину Нину.

Супруги несколькими фразами решили всё за неё. Цянь Сань-нян с улыбкой опустила голову, покачала ручкой ребёнка и спросила:

— Тогда Чжуцзы останется дома с бабушкой, а мама вернётся до темноты. Хорошо?

Чжуцзы не вполне понял, но всё равно ответил:

— Хорошо.

Летом темнело поздно. В окрестностях уездного города не было разбойников, да и о появлении хищных зверей давно не слышали, поэтому отец с дочерью отправились в путь без особых опасений.

От дома Цянь до городских ворот нужно было пройти по переулку перед домом семьи Ли. Ещё издали они слышали, как люди в переулке обсуждают сегодняшнюю торговлю Цянь Сань-нян. Эти люди просто любили сплетни и зрелища. Теперь, когда её дело пошло в гору, они естественным образом переметнулись на другую сторону и насмеялись над семьёй Ли, которая оказалась слепа и потеряла такую хорошую невестку.

Услышав это, Цянь Сань-нян и её отец ускорили шаг. Лишь миновав переулок, они оба расплылись в улыбках.

От уездного города до деревни Сяохэ было недалеко. Сил у простых людей хватало, и когда отец с дочерью добрались до Сяохэ, солнце ещё не успело полностью сесть.

Под большим деревом у входа в деревню по-прежнему сидело немало людей. Они болтали и смеялись, но, подняв головы и увидев, как Цянь Саньнян и её отец, не глядя по сторонам, идут вперёд, тут же сбились в кучку.

— Это ведь та женщина, которая пару дней назад училась ремеслу у Чжу-гера?

— Похоже на то, — кто-то внимательно присмотрелся. — Как думаете, зачем они пришли?

— С такими узлами и свёртками, наверное, подарки несут.

Раз уж она научилась у человека ремеслу и не заплатила настоящий учительский дар, естественно, следовало чаще навещать его с гостинцами.

Когда в ворота постучали, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу как раз вернулись с горы с ветками сосны и кипариса и теперь ломали их во дворе. Услышав стук, Сюн Цзиньчжоу отложил работу и пошёл открывать.

За воротами стоял отец Цянь.

Он был не Цянь Сань-нян и о грозной славе Сюн Цзиньчжоу знал гораздо больше. Встретившись с ним взглядом, мужчина заметно одеревенел и, запинаясь, сказал:

— С-сюн-б-батоу... мы пришли к господину Нину. Хотим... хотим кое-что передать.

Говоря это, он приподнял маленький кувшинчик в руках.

Сюн Цзиньчжоу кивнул гостям, отступил в сторону, освобождая проход, и окликнул всё ещё занятого Нин Гуйчжу:

— Чжу-гэр, пришли Цянь Сань-нян и её отец.

— А? — удивлённо отозвался Нин Гуйчжу. Он отложил сосновые и кипарисовые ветки, поднял голову, встретился взглядом с вошедшими и с улыбкой сказал: — Почему вы пришли так поздно? Проходите в гостиную. Цзиньчжоу, налей гостям по чашке воды.

— Хорошо.

Сюн Цзиньчжоу тут же широким шагом направился на кухню. Отец Цянь уже хотел отказаться, но слова застряли у него в горле. Он невольно проводил мужчину долгим взглядом.

Цянь Сань-нян лишь удивилась странному поведению отца, но раз учил её именно господин Нин, говорить должна была она. Поэтому она не стала обращать внимания на отца и с улыбкой сказала Нин Гуйчжу:

— Сегодня торговля шла очень хорошо. Я подумала, что обязательно должна прийти и поделиться с вами этой радостной новостью. Заодно принесла вашу долю за сегодняшний день.

Нин Гуйчжу искренне обрадовался.

— Хорошо, что дела идут успешно. Продолжай в том же духе.

— Обязательно! — Цянь Сань-нян положила деньги на стол, затем приняла из рук отца небольшой кувшинчик и немного смущённо протянула его Нин Гуйчжу. — Это мёд. Родные сами собрали его в горах. Господин, оставьте себе, попробуйте.

— Это слишком ценный подарок, — поспешно отказался Нин Гуйчжу. — Лучше заберите его домой. У вас ведь есть ребёнок? Иногда разводите ему ложечку мёда в воде - это полезно для здоровья.

— Возьмите, пожалуйста, — настаивала Цянь Сань-нян. — У нас дома ещё есть.

Её отец тоже заговорил:

— Господин, обязательно примите. Если бы не ремесло, которому вы научили Сань-нян, она никогда не смогла бы открыть свою лавку.

Отец и дочь так настойчиво уговаривали его, что Нин Гуйчжу больше не стал отказываться, принял мёд и принялся расспрашивать Цянь Сань-нян о том, как прошёл её первый торговый день.

Она подробно рассказала обо всём.

Уезд Аньхэ располагался на берегу большой реки, правда, с противоположной стороны города - там, где Нин Гуйчжу ещё ни разу не бывал. У причалов постоянно сновали лодки и суда, а грузчиков там работало особенно много. Семья Цянь решила, что ради заработка не стоит бояться тяжёлого труда, поэтому поставила лавку именно там. И уже первый день подтвердил, что выбор оказался удачным.

Нин Гуйчжу сказал:

— Когда появятся деньги, снимите там небольшой уголок. Тогда можно будет хранить на месте весь инвентарь, и работать станет намного легче.

Услышав это, отец Цянь весело улыбнулся:

— Мы тоже об этом думали. Если дело у Сань-нян пойдёт хорошо, продадим дом, в котором сейчас живём, и переедем поближе к тому месту.

Увидев, что они всё уже продумали, Нин Гуйчжу с улыбкой кивнул.

Они поговорили ещё немного. Вода, которую принёс Сюн Цзиньчжоу, уже была выпита. Нин Гуйчжу хотел было снова наполнить чашки, но гости торопились вернуться домой до наступления темноты и вежливо отклонили его уговоры остаться.

Когда они вышли со двора семьи Сюн, отец Цянь с чувством произнёс:

— Дочка, на этот раз ты не ошиблась. Господин Нин действительно очень хороший человек.

Цянь Сань-нян поджала губы в улыбке.

— Это не я разглядела. Это господин уездный судья помог мне найти такого наставника.

— Верно, — задумчиво кивнул отец Цянь. — Господина Нина, конечно, нужно благодарить. Но и господину уездному судье тоже надо что-нибудь отнести. Он ведь помог тебе найти учителя, нельзя забывать о таком благодеянии.

— Хорошо...

Проводив гостей, Нин Гуйчжу убрал мёд в шкаф, высыпал медные монеты в сундук, засучил рукава и стремительно выбежал во двор.

— Ну как? Бамбуковые крюки получились? Ими можно пользоваться?

Бамбуковые крюки представляли собой S-образные крючья, вырезанные из бамбука. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу провозились довольно долго, прежде чем сделали несколько штук, и теперь ещё не знали, насколько они удачны.

Услышав вопрос, Сюн Цзиньчжоу слегка отступил в сторону, открывая то, что до этого заслонял собой.

— В мясе трудно сделать отверстия.

Концы бамбуковых крюков оказались недостаточно острыми, поэтому пришлось отдельно выстрогать бамбуковые шипы и с силой прокалывать ими мясо насквозь. Сил у Сюн Цзиньчжоу было достаточно, но удерживать мясо было неудобно. Нин Гуйчжу помог ему, и вдвоём они проделали отверстия во всех кусках, после чего подвесили их на бамбуковые крюки.

Нин Гуйчжу поднял один из крюков, покрутил висящий на нём кусок мяса и удовлетворённо улыбнулся.

— Копчёное мясо получится очень вкусным.

Видя, с каким нетерпением он этого ждёт, Сюн Цзиньчжоу и сам невольно проникся

ожиданием.

Несколько кусков будущего вялено-копчёного мяса развесили на заранее приготовленной перекладине. Нин Гуйчжу вышел из коптильни, развёл огонь в специально выкопанной под ней яме и, когда пламя разгорелось сильнее, подбросил туда заранее заготовленные тонкие ветки сосны и кипариса.

Чтобы густой дым поднялся как следует, требовалось немного времени. Сюн Цзиньчжоу поднял отдельно изготовленную бамбуковую дверцу, приставил её к входу в коптильню и крепко подпёр палкой.

Нин Гуйчжу отошёл на несколько шагов, упёр руки в бока и некоторое время с удовольствием любовался новой коптильней, после чего бодро сказал:

— Пойдём. Приготовим ужин, а потом сходим к матушке и обсудим, как распределить обучение между семьями. Пусть они потом сообщат всем остальным.

— Хорошо.

По привычке Сюн Цзиньчжоу протянул руку, и они, держась за руки, вошли на кухню.

...

Короткий день отдыха закончился. Сюн Цзиньчжоу снова отправился служить в уездную управу, а родня ещё не успела договориться об очередности обучения, поэтому Нин Гуйчжу просто закрыл ворота и спокойно занимался своими делами.

Из комнаты без конца доносились старательные детские голоса, повторявшие уроки. Нин Гуйчжу посмотрел на созревшие кубики тофу, осторожно коснулся белого пушистого налёта на их поверхности и, засучив рукава, принялся готовить ферментированный тофу.

Делался он совсем несложно. Нин Гуйчжу смешал молотый перец чили с солью, раскалил масло и оставил его остывать. Затем внёс на кухню тщательно вымытый и полностью высушенный глиняный сосуд, обвалял каждый кусочек тофу в приготовленной смеси из перца и соли и аккуратно уложил их внутрь. Когда всё было готово и масло достаточно остыло, он залил им содержимое сосуда так, чтобы оно полностью покрывало тофу, после чего плотно запечатал сосуд и оставил его созревать.

Закончив с ферментированным тофу, Нин Гуйчжу вернулся в спальню, взглянул на иероглифы, написанные детьми на песочных дощечках, беспомощно вздохнул, взял одного из учеников за руку и снова принялся объяснять правильный порядок черт.

— Запомнил?

— Запомнил!

Малыш послушно откликнулся. После того как Нин Гуйчжу отпустил его руку, первый иероглиф он написал уже аккуратно и правильно, однако учитель всё равно не спешил успокаиваться. У детей было слишком богатое воображение, они легко перенимали неправильные привычки, поэтому лишь многократные исправления позволяли закрепить верный порядок написания.

К счастью, терпения Нин Гуйчжу было не занимать.

Продолжая учить детей, он сплёл из бамбуковых полос решётчатую рамку. Теперь можно было заранее закреплять на ней лист с написанным текстом, устанавливая с помощью подпорки из бамбуковой палки, и всем троим ученикам становилось гораздо удобнее видеть урок.

Дети были послушными, поэтому, обучая только их, Нин Гуйчжу ещё успевал заниматься множеством других дел. Именно поэтому поначалу ему казалось, что он без труда сможет совмещать преподавание грамоты и обучение ремеслу. Но когда всё действительно началось, он ещё долго не мог привыкнуть к такой нагрузке и постоянно разрывался между делами. Каждый день после окончания занятий ему хотелось только одного - лечь и уснуть.

Сюн Цзиньчжоу жалел своего фулана и взял на себя приготовление еды. Вернее, как говорил сам Нин Гуйчжу: он объясняет, а Сюн Цзиньчжоу готовит.

Глядя на только что снятую со сковороды яичницу, Сюн Цзиньчжоу долго молчал, а затем произнёс:

— Кажется... она получилась слишком чёрной.

Нин Гуйчжу успокоил его:

— Ничего страшного. Пахнет очень вкусно, значит и на вкус будет не так уж плохо.

Сам он явно был уверен в результате куда больше, чем Сюн Цзиньчжоу.

.

Постепенно ученики Нин Гуйчжу один за другим завершали обучение, и в уездном городе Аньхэ появлялось всё больше уличных лавок с едой. У каждой были свои блюда и свои вкусы, мастерство торговцев становилось всё выше, так что прежним лавочникам поневоле приходилось ломать голову, придумывая новые способы привлечь покупателей и постоянно совершенствовать свои товары. Весь город словно расцветал и наполнялся жизнью.

Уездный судья Чэнь обошёл город, и улыбка ни разу не сходила с его лица. Лишь оказавшись в менее людном месте, он сказал шедшему рядом Цзинь Тану:

— Похоже, Нин Гуйчжу вовсе не преувеличивал. Он и вправду знает огромное количество ремёсел.

Цзинь Тан с улыбкой ответил:

— И обучает он тоже превосходно. Те наставники, которых оставили в мастерской, поначалу боялись всего подряд, а как начали преподавать, никаких проблем не возникло. Что ни спросишь, всё оказывается тем, о чём господин Нин уже рассказывал.

Уездный судья Чэнь хлопнул веером по ладони.

— Ещё немного, и эта партия ткачей тоже закончит обучение. Как обстоят дела с конопляной пряжей и новыми ткацкими станками?

— Всё уже подготовлено.

— Хорошо, — уездный судья кивнул. — Как только они завершат обучение, сразу подпишем договоры. Первые три года они обязаны работать в мастерской, а жалованье будут получать в размере восьмидесяти процентов от обычной рыночной платы.

— Я всё помню, можете не беспокоиться.

За разговором они подошли к ткацкой мастерской. Уездный судья Чэнь окинул взглядом новые строения и неожиданно сказал:

— Название «Ткацкая мастерская» уже не подходит. Когда снова пригласим господина Нина, вернём прежнее название.

— Слушаюсь, — взволнованно ответил Цзинь Тан.

Изначально это место называлось просто «Ремесленная мастерская». Однако уездному судье Чэню так и не удалось найти достаточное число мастеров, готовых открыто передавать своё ремесло другим. Прошёл целый год после постройки, а внутри так и не появилось ни души.

Когда уездный судья Чэнь уже подумывал отказаться от этой затеи, наверху распорядились внедрить новый ткацкий станок. Он решил воспользоваться случаем и хотя бы найти наставника по ткачеству.

Но кто бы мог подумать... что Нин Гуйчжу оказался поистине счастливой звездой.

Вернувшись в уездную управу, он увидел Сюн Цзиньчжоу, который в тени здания зевал, прикрывая рот. Весело усмехнувшись, он поддел его:

— Без фулана рядом у тебя даже бодрости поубавилось.

— Господин, — Сюн Цзиньчжоу тут же выпрямился и почтительно поклонился. — Просто жара стоит, вот и клонит в сон.

Уездный судья Чэнь, покачав головой с улыбкой, вспомнил недавний разговор и сказал:

— Сегодня, когда вернёшься домой, передай Нин-геру: максимум через полмесяца нам снова понадобится его помощь - на этот раз обучать другим ремёслам. Пусть заранее освободит для этого время. Только теперь мы не будем выдавать ему разовые награды серебром, вместо этого назначим ежемесячное жалованье.

— Сегодня же расскажу обо всём Чжу-геру, — ответил Сюн Цзиньчжоу.

Уездный судья в прекрасном настроении ушёл, а Сюн Цзиньчжоу снова устроился в тени, лениво дожидаясь времени следующего обхода.

К вечеру.

Проверив домашние задания детей и отпустив их играть, Нин Гуйчжу засучил рукава и вышел во двор проверить, как коптится мясо. Во время приготовления лажоу (копчёной свинины) он время от времени, если стояла хорошая солнечная погода, выносил мясо просушиться на солнце, а затем снова возвращал его в коптильню. Лёгкий дым удерживался внутри коптильни, поэтому большого количества сосновых и кипарисовых веток не требовалось - их хватало почти на полдня. За несколько дней мясо уже практически дошло до готовности.

Нин Гуйчжу как раз подумывал срезать кусочек и попробовать, когда услышал, как открылась калитка. Подняв голову и увидев вернувшегося Сюн Цзиньчжоу, он сразу улыбнулся.

— Вернулся.

Сюн Цзиньчжоу подошёл, украдкой поцеловал его и между делом пересказал всё, что велел передать уездный судья.

— До этого ещё полмесяца, так что у меня времени должно хватить, — задумчиво сказал Нин Гуйчжу, но затем немного поколебался. — Только я в последние дни слышал, как старший двоюродный брат с женой говорили, что уже можно начинать жать пшеницу. Не получится ли так, что сроки совпадут?

— Жать пшеницу?

Сюн Цзиньчжоу мысленно прикинул даты и понял, что действительно время почти подошло.

— Ждать уже нельзя. Вообще-то даже немного припозднились.

Нин Гуйчжу удивлённо поднял на него взгляд. Конечно, когда-то он сам работал в поле. Но с тех пор прошло слишком много времени, за эти годы он изучил множество других вещей, а тогда в основном просто следовал указаниям старших. В подобных вопросах он никак не мог сравниться с Сюн Цзиньчжоу.

Тот пояснил:

— Если убрать пшеницу на день-два позже, урожай сильно не пострадает. Наверное, дома сейчас слишком много дел, да ещё ждали, пока ты закончишь обучать ремёслам, вот и не стали ничего говорить.

Нин Гуйчжу обеспокоенно сказал:

— Но ведь птицы могут склевать зёрна.

Сюн Цзиньчжоу с улыбкой крепче сжал его руку.

— Не переживай. Отец с матерью наверняка уже всё предусмотрели. Они всю жизнь работают на земле и разбираются в подобных вещах гораздо лучше.

Нин Гуйчжу немного успокоился, но всё же сказал:

— Тогда сегодня поужинаем пораньше. После ужина зайдём к родителям и узнаем, что они решили. Тогда и мы сможем заранее всё распланировать.

— Хорошо-о, — протянул Сюн Цзиньчжоу. — А что сегодня будем есть?

Нин Гуйчжу тут же оживился и радостно ответил:

— Копчёное мясо! Свежекопчёное мясо вкуснее всего!

Они возились с ним столько дней, и теперь наконец можно было попробовать. Сюн Цзиньчжоу тоже обрадовался.

— Что нужно приготовить?

Нин Гуйчжу немного подумал:

— Нарви перца и чесночного лука. Обжарим всё вместе!

— Хорошо, сейчас принесу.

Сюн Цзиньчжоу сделал несколько шагов к заднему двору, но потом развернулся и вернулся в спальню, чтобы сначала снять форму стражника и переобуться.

Нин Гуйчжу выбрал самую красивую полоску копчёного мяса, отрезал кусок, положил в оставшуюся в котле тёплую воду и тщательно промыл. Каждый раз, когда мясо выносили сушиться на солнце, Нин Гуйчжу заодно его очищал, поэтому теперь без особых усилий смыл с поверхности чёрную копоть. Чистое мясо он нарезал тонкими, почти прозрачными ломтиками. В чашке их получилось на вид довольно много. Сюн Цзиньчжоу тем временем вымыл принесённые перцы и побеги чесночного лука, нарезал их и оставил на разделочной доске.

Нин Гуйчжу сказал:

— Сегодня сварим рис. Как раз ферментированный тофу уже должен быть готов.

— Тогда я промою крупу.

Сюн Цзиньчжоу тут же принялся за дело: тщательно промыл рис, переложил его в глиняный горшок, добавил воды и поставил томиться под крышкой. Нин Гуйчжу было любопытно посмотреть, как здесь готовят рис, поэтому он не вмешивался, а сел за маленький стол у окна и время от времени поглядывал в сторону очага.

Сюн Цзиньчжоу вскоре тоже подсел к нему. Это окно находилось прямо напротив окна, выходившего на задний двор, и сквозной летний ветер приятно освежал кухню.